

КАТЯ ВАСИЛЬЕВА

ЛЮБИТЬ НЕ
СТРАШНО

Катя Васильева

Любить (НЕ) страшно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42623686

ISBN 9785449666864

Аннотация

Каковы психологические истоки наших поступков, страхов и ошибок? Это не просто увлекательный психологический триллер. Это глубокая и захватывающая история с неожиданными поворотами сюжета и судеб прекрасных, но порочных героев. Напряженный психологический сюжет с непредсказуемой развязкой раскрывает перед нами мир нарциссизма, хитросплетения взаимоотношений и драматизм самопознания дерзко и с юмором. Автор исследует любовь, секс, трагедию и способность человеческого духа побеждать все. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	5
Болото	5
Темная Радуга	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Любить (НЕ) страшно

Катя Васильева

Редактор Christa A. Void

Переводчик Michael Bilberry

Иллюстратор Visata Rupeika

© Катя Васильева, 2019

© Michael Bilberry, перевод, 2019

© Visata Rupeika, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-6686-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Болото 1984

«Закрой свой поганый рот!» – вдруг закричала мать. Она была напряжена, спина прямая, шея вытянута вперед, как у хищной птицы, готовящейся к нападению, бешеные дикие пустые глаза. Маленькая Лиза не смела поднять взгляд и застыла в ужасе. Она ничего не понимала – ни причины крика матери, ни почему у нее вдруг стали такие мокрые ладошки. Она боялась уронить вилку, чтобы не вызвать еще больше гнева.

«Не нравится – не ешь! – теперь мать уже шипела. – В следующий раз будешь сама готовить». В воздухе застыло холодное раздражение. Оно окутало девочку липким ужасом. Мать резко поднялась и вышла, оглушительно хлопнув дверью, не преминув слегка притормозить перед зеркалом, и мельком, но с удовольствием, оглядеть свои формы.

Очень часто мать была раздражена во время ужина, всегда уставшая под конец тяжелого серого дня, или еще по какой-то причине. Казалось, что она пытается поскорее отделаться от скуки стояния возле плиты, скинуть с себя как

можно быстрее это неприятное бремя. Лиза всегда ест с аппетитом, зная, что мама может легко расстроиться, и вечер будет безнадежно испорчен. Девочка привыкла заботиться о маме и ее настроении, чувствовала себя ответственной и всегда старалась ей угодить.

И, конечно же, их маленький семейный ужин на этом закончился. Лиза не знала, что делать – или она должна все доесть, или немедленно пойти извиниться перед мамой. Девочку начало трясти. Ее хрупкое маленькое тело неизменно наполнялось страхом перед маминым нравом. Сердце стучало быстро. Слезы закипали в глазах. Уши заложило. Она постоянно чувствовала себя никчемной, немного злой и безысходно разочарованной.

Лиза часто говорила своей подруге Вете: «Если бы я родилась такой, как ты, мне тоже всегда было бы весело». В ее маленьком мозгу постоянно крутился вопрос – что я делаю не так? Или – что теперь делать? Как исправить то, что она испортила? Извиниться или спрятаться, слиться с этим ужасным сине-бордовым ковром, что висит на стене?

Обычно все зависело от того, как у мамы прошел день. Взбесил ее кто-то на работе или сделал комплимент. Был ли автобус переполнен злым потным народом. Удалось ли ей присесть или пришлось стоять всю дорогу до дома. Выспалась она или не могла уснуть всю ночь от того, что в жизни все было не так, как ей хотелось. Позвонил ей сегодня поклонник или проигнорировал, что в последнее время проис-

ходило все чаще. Так много вариантов, так все запутано.

Познакомьтесь с Лизой. Маленькая, худощавая семилетняя девочка, с копной пепельно-каштановых волос и всегда грустным лицом. Казалось, она вечно чего-то боится. Страх и одиночество ее постоянные спутники. Единственный друг в ее жизни – это ее подруга Вета.

Папа с ними больше не жил. По какой-то причине однажды, когда она вернулась домой из пионерского лагеря, мама привезла ее в эту маленькую комнату в малосемейном общежитии. Малосемейка, как его презрительно называли. После этого она крайне редко видела своего папу. Лизина жизнь изменилась за одно лето. Не стало больше моментов, когда она ползала у папы на коленях, когда счастливая мама накрывала семейный ужин, когда родители играли по вечерам в карты, смеялись с друзьями, и она, Лиза, смотрела «Спокойной ночи, малыши» в той, другой, папиной квартире.

Такие общаги были обычным явлением в советском обществе в 1980-х. Тогда в стране никто не имел частной собственности. Если вы работали, ваш работодатель, обычно какое-то государственное учреждение, выдавал вам комнату или квартиру. В зависимости от вашей должности, важности, срока ожидания, выслуги лет, размера вашей семьи. И, естественно, в зависимости от ваших связей и знакомств, того, что называлось в СССР «блат» или «мохнатая рука».

Лиза и ее мать теперь жили в отвратительном, вонючем 12-этажном здании на дальнем краю города Минска. На облупленных стенах потрескавшаяся темно-синяя масляная краска. Грязные полы, дурно пахнущий мусоропровод и «домашние питомцы» – клопы и тараканы, вылезаящие из своих нор и щелей, стоило только выключить свет.

Лиза затаила дыхание и опустила взгляд в свою тарелку. Бледное картофельное пюре, вареная морковь и стакан молока. Комната была маленькая, 14 квадратов, куда поместились только четыре предмета мебели: мамин диван, обеденный стол, Лизино кресло-кровать и раскладная парта.

Лиза была сбита с толку. Стены, казалось, сдвигаются к центру комнаты, делая пространство еще уже и теснее, делая ее саму все меньше и меньше. Знаете ли вы это чувство – быть маленьким и беспомощным? Как будто ты никто и ничто. Кроме того, тебе страшно. Ты боишься услышать правду о себе или быть наказанным. Правда всегда одинаковая. Лиза знает, что она дура, дрянь, грязнуля, неряха и ничтожество – потому что мама так всегда повторяет. Когда тебе семь лет, твоя единственная истина – это то, что говорят тебе родители.

Комната становится все меньше и меньше, а Лизины плечи все тяжелее и тяжелее.

Эта скрюченная фигура маленького ребенка меня очень расстраивает, до слез обидно за нее. Мне хочется дотя-

нуться, крепко обнять ее и держать в своих объятиях, пока она не успокоится. Я хочу, чтобы она знала, что я ее люблю. Я хочу, чтобы она знала, что заслуживает любви просто потому, что есть. Но, к сожалению, это невозможно. Сейчас мое сердце разрывается на части. К моему горькому сожалению, я не могу утешить этого беззащитного маленького человека.

Испуганная Лиза сидит над остывшим пюре, судорожно пытаюсь сообразить, что ей делать. Прошло уже десять минут, и она знала, что нужно срочно решиться на что-то. Срочно решиться, пока не поздно. Каждая секунда на счету. Если она извинится слишком поздно или слишком рано, результаты могут быть разрушительными.

Путаница... Неразбериха...

Лиза знает, что ее мать, вероятно, пошла к своей подруге Ольге в соседнюю комнату. Она продолжает сидеть, скованная страхом, не в силах двинуться, встать, принять решение. Она как будто ждет знака.

Лиза все еще в синяках со вчерашнего вечера, перед ее глазами всплывает картина: мать нашла жирное пятно на тарелке после того, как дочка помыла посуду. Она хватает ее за руку и швыряет на пол. «С тобой невозможно жить! – кричит она. От свежих воспоминаний девочку опять начинает пробирать пот. – Ты не ценишь ничего, что я для тебя делаю.

Только сидишь на своей заднице, пока я пашу как лошадь весь день. Хоть бы оценки нормальные приносила и читать научилась! Вон как Олин сын читает! Если бы ты только знала, каких трудов мне стоило отдать тебя в эту школу! – орала мать. – Самое меньшее, что ты можешь сделать, это помыть посуду, но ты даже на это неспособна! Ты меня вообще не любишь!»

Как только Лиза попыталась открыть рот и сказать, что она старалась, мыла очень горячей водой, а вчера на контрольной по скорости чтения прочитала на два слова больше, чем в прошлой четверти, мама бросила тарелку и выскочила из комнаты. Лиза, глотая слезы, побежала к раковине и начала перемывать всю посуду.

Она знала, что это все ее вина. Но как ей сделать маму счастливой? Она просто дурочка, которая никогда ничего не может выполнить правильно. Мама повторяет ей это каждый день. Вета, ее подруга, всегда помогает Лизе: «Не переживай, пошли вместе все исправим», – обычно говорит она.

Тишину разорвал крик попугая. Зеленый Кеша важно прокричал что-то своим звонким голосом. Вот он, знак, устами попугая. Лиза как будто очнулась. И решила. Она встала. «Я должна идти», – стучало в ее в голове. Как заключенный, у которого нет выбора, постаралась расправить плечи.

Лиза знала, что сейчас будет, потому что это повторялось каждый раз. Мать накричит на нее при тете Оле, уни-

зит, а она будет стоять, опустив голову, и молчать, как бесполезная вещь, надеясь услышать хоть одно доброе слово. Но, по крайней мере, скорее всего, это будет быстро, лишь пять минут позора и унижения. Пока мама с подругой как ни в чем не бывало не сменят тему.

Железный облупленный будильник с двумя трещинами на стекле невыносимо громко, с металлическим звенящим лязгом, пронзительным в тишине молчаливой комнаты, отсчитывает секунду за секундой. Тиканье разбивает эту тишину на острые осколки, каждый из которых впивается в ее маленькое сердце, сжавшееся в комок от невыносимой тревоги и ужаса перед предстоящей – столь привычной и необратимой – пыткой.

«Мне так надоело возиться с этим ребенком. Она ничего не может сделать нормально! Я больше не могу, – выла мать. – Я не могу дождаться лета, когда она поедет к своему придурку отцу, – жаловалась она. – Пусть он разбирается с ней, хотя, что он вообще может, этот идиот! В этот раз, ради бога, пусть подавится! Посмотрим!» – мать привычно закатила глаза. Не решаясь войти, Лиза колебалась, застыв под дверью, слыша каждое слово. Двери в общежитии были настолько тонкими, из обычного ДСП, что по всему коридору были слышны крики мамы.

Я стою позади Лизы в этом темном коридоре и смотрю на стену с потрескавшейся синей краской. Я знаю все

трещины в этих стенах, как будто я была здесь раньше; некоторые из них свежие и новые, а некоторые глубокие, с несколькими слоями краски под ними, нанесенными годы и годы назад. Эта старая краска все еще там, под этими трещинами. Как и горькие обидные слова – как ни пытайся их замазать, шрамы все равно проступают и кровоточат.

Лиза хочет, чтобы все замялось, просто быстрее закончилось. Ее сердце мягкое и нежное, полное любви и желания быть хорошей, угодить. Услышав, как мать говорит о ней так жестоко, она открыла дверь. «Мама!» – вскрикнула она, дрожа, в попытке себя защитить.

«Убирайся отсюда! Желаю тебе когда-нибудь иметь такую же дочь, чтобы она сделала твою жизнь такой же „счастливой“, как ты мою! Убирайся!» – мать вскочила и хлопнула дверью у лица Лизы так сильно, что стены затряслись.

«Какой кошмарный ребенок. Мне жаль тебя от всей души! – услышала Лиза подхалимные слова Ольги. – В этом она похожа на своего отца», – мямлила она.

Материнский гнев и ненависть всегда вспыхивают неожиданно. Иногда те же самые вещи, от которых она смеялась вчера, вызывают у нее ярость днем позже. Лиза никогда не знает, когда и чем она вызовет злость или улыбку матери.

Другая соседка, тетя Лена, открыла свою дверь и позвала Лизу.

«Иди сюда, крошка. Ты уже поужинала? Заходи, мы только садимся,» – тепло сказала она.

У тети Лены было две дочки. Старшая, Вика, была с Лизой в одном классе. Младшей, Даше, было года четыре. Лиза и Вика дружили. Лиза приходила в их комнату поиграть, если она не была занята уроками, уборкой комнаты, утюжкой белоснежных воротничков для формы или посещением множества внеклассных занятий после школы. Девочке редко удавалось прийти к ним в гости, но ей это очень нравилось. С Викой было интересно, а тетя Лена никогда не кричала и не ругалась. Вика, казалось, была совершенством – никто не называл ее душой и не наказывал.

Мама часто сравнивала Лизу с Викой и говорила что-то вроде: «Я бы хотела, чтобы ты была такой же хорошей, как Вика!» Лиза пыталась подражать подружке, уверенная, что это понравится маме. Она наблюдала за ее повадками, манерой говорить, привычками, жестами и мимикой. Потом, оставаясь одна, перед зеркалом пыталась повторять и копировать Викины жесты. Со временем это стало ее вторым я – привычка наблюдать за другими людьми и подражать им настолько сильно укоренилась в ней, что граница между ней настоящей и скопированными образами сначала стала зыбкой, а затем и вовсе исчезла.

Лизе было хорошо в их компании. Обеды тети Лены были скромными, но вкусными. Очень простые блюда – рагу, суп, свежий хлеб. Она тоже была родителем с низким доходом,

как и все в этой общаге, но у нее всегда было наготове угощение и добрая улыбка. А Лиза сильно хотела любящую семью. Постоянное чувство грусти и отчаяния. Как будто что-то болит, что-то постоянно ноет. Тогда она еще не знала, что это за чувство такое.

Но я знаю... Зависть.

Слава богу, что у нее была ее Вета. Вика почему-то не нравилась Вете.

Дом тети Лены был теплым и гостеприимным. После ужина она иногда рассказывала девочкам, как тяжела жизнь у взрослых, и как они боролись за выживание.

«Ох, детонька... Не сердись на маму. Она это не со зла, просто сильно устает и переживает. Ей ведь очень тяжело... А когда мы маленькие были, сколько всего испытать пришлось – и голод, и разруха... Чего только не было. Всякого горя навидались! Да и сейчас тяжело – ты представь, мама твоя весь день работала, а потом ей еще по магазинам бегать», – причитала тетя Лена.

Хотя Елена искренне пыталась успокоить девочку и не имела намерения ее обидеть, по своей глупости и ограниченности она не понимала, что Лизе было от этого только хуже, ведь ребенок винил себя. «Если бы я не родилась, маме не пришлось бы так много работать, чтобы меня прокормить, ей было бы легче. А если бы я была как Вика или Вета, мама была бы счастливее. Значит, это я виновата», –

судорожно делал выводы детский мозг.

Не понимая, что Лиза чувствует свою вину, тетя Лена продолжала: «Искать, что бы купить, да чем бы тебя накормить... Ох непросто жить, непросто. Вот от усталости да горя она такая стала. А ты не обижайся на нее, Лизонька, ты ее прости. Она тебя очень любит. И обязательно извинится, все будет хорошо!» – утешала она, поглаживая волосы Лизы. «Ты очень хорошая и добрая девочка, Лиза», – тихо приговаривала тетя Лена.

Лиза не верила ей.

Она потом спрашивала у Веты:

– Тетя Лена сказала, что я хорошая, а мама всегда говорит, что я плохая, – жаловалась Лиза своей лучшей подружке.

– Да ты что! Ты замечательная. Мне с тобой интересно. Ты хорошая. И ты очень красивая, – отвечала Вета.

Мама говорила иначе. Мама говорила не так. А мама всегда права. Но ведь Вета тоже. Ее все любят.

Путаница... Неразбериха...

Лиза беспокоилась, что мать заметит ее отсутствие, и ела второпях. Ее еще немного потрясывало. Елена смотрела, как маленькие руки дрожат, словно листья на осеннем дереве, и ее губы кривились в сочувственной жалостливой улыбке.

А дома назревала буря.

Я стою в углу комнаты, наблюдая за тремя маленькими

девочками и доброй женщиной, кормящей их простой едой, приготовленной с любовью. Лизе тепло, уютно и — ужасно завидно.

«Лиза! — кричит ее мать на весь коридор двадцать минут спустя. — Быстро иди сюда!»

Лиза вздрогнула и, даже не попрощавшись с тетей Леной, пулей вылетела из комнаты. Как только она вошла в дверь, то почувствовала жгучий удар и оказалась на полу.

«Вставай и начинай убираться, — указала мать на тарелку на столе. — И научись уважать меня. Не смей жаловаться и позорить меня перед всеми соседями! Я тебе еще преподам урок, чтобы ты выросла нормальным человеком!» — прошипела она низким голосом.

Лиза пробралась в комнату, бормоча извинения. Она была слишком напугана, чтобы смотреть на мать и уткнулась глазами в пол.

«Ты извиняешься? В самом деле? Тогда почему не говоришь это глядя мне в глаза?» Лиза, вжав голову в плечи, посмотрела на нее. Было тяжело встретиться с жестким взглядом матери. «Мамочка, мамочка, прости!»

«Нет, я не должна была просить тебя об извинении, так что это не считается. Я видела тебя там, у Лены. Ты жаловалась, что я плохая мать».

«Я не...»

«Заткнись! Я знаю, что ты говоришь обо мне этим сплет-

ницам! Вечно ноешь, неблагодарная девка! Если бы только Лена знала, какая ты на самом деле дрянь, она бы тебя на порог не пустила, – орала мать. – Да ты ее просто одурачила. Ты одурачила всех, кто считает тебя хорошей девочкой. Ты отвратительная мелкая паскуда. О боже, что же я сделала, чтобы заслужить такую дочь».

Лиза начала рыдать. «Пожалуйста, мама, прости меня, мамочка, прости!»

Мать с пренебрежением сказала: «Иди спать. Видеть тебя больше не могу».

Лиза легла на свое узкое кресло-кровать и натянула шерстяное одеяло на лицо. Она старалась плакать негромко, потому что если мать услышит, то снова впадет в ярость.

Мать с пренебрежением задернула желтую атласную шторку, отделяющую Лизину четверть комнаты, и пошла смотреть телевизор.

Я наблюдаю за ее маленьким телом, дрожащим, трясущимся от слез под одеялом. Я знаю, она хочет знать, почему мама не любит ее. Или это и есть любовь? Она жаждет понять. «Тетя Лена сказала, что мама меня любит. Почему моя мама не такая добрая как тетя Лена? И почему я не такая радостная, как Вета?»

Проснувшись на следующее утро, Лиза увидела, что мама уже ушла. Она встала, умылась, оделась и пошла на автобус-

ную остановку, захватив по пути Вету. В школе их кормили скудным завтраком, холодной овсяной кашей за 15 копеек. Мама всегда рано уходила на работу, она работала на другом конце города, и ей нужно было каждый день полтора часа добираться, с пересадками. Зато у Лизы была Вета, она была не одна.

После школы ей не хотелось возвращаться домой, где она все делает не так. Поэтому девочка оставалась в бесплатном балетном кружке после уроков. Лиза крутилась и вертелась перед огромными зеркалами в балетном классе, наконец-то чувствуя себя принцессой, в своем маленьком розовом купальнике и с косичками, которые утром сама заплегла, как могла. Затем был еще один бесплатный класс – кружок скульптуры, где она однажды сделала маленькую статую птицы, мечтающей взлететь высоко-высоко в небо.

«Отчего люди не летают так, как птицы?»

*

В Советском Союзе школы были бесплатные, как и медицина, спорт и секции. Лиза также ходила в театральную школу за восемь рублей в год. Быть занятой после школы было лучше, чем сидеть дома одной. До эпохи интернета и сотовых телефонов родители даже не могли знать, где находятся их дети средь бела дня. Поэтому взрослые предпочитали, чтобы ребенок был занят чем-то, а не просто болтался

по улицам. Лизе, как и любой маленькой девочке, нравилось танцевать, рисовать и заниматься с другими детьми. Учителя были очень добры и любезны с ней, там Лизе казалось, что все не так уж и плохо.

Чтобы лучше понять переживания Лизы и поведение ее мамы, необходимо рассмотреть жизнь простой советской семьи в контексте того времени. Гнев и страдание людей были обычным явлением в эпоху 1980-х и начала 1990-х годов в Советском Союзе. Люди были злы, бедны, вечно голодны и завидовали друг другу. Взрослое поколение, как мать Лизы и тетя Лена, чье детство и юность пришлись на 1950-е и 1960-е годы, выросли в еще более жестокое время. Они не умели радоваться жизни. Их этому никто не научил. Это стало социальной ловушкой для целых поколений: родители срывали злость, сливали свои страдания и гнев на детей, создавая циклы, которые невозможно было сломать. Поколения выросли, думая, что так и надо жить, разговаривать и относиться друг к другу. Люди не знали ничего лучше, так жили все.

Все, кто пережил времена распада Советского Союза, конечно же, помнят проблемы того времени: нехватка товаров, еды, одежды, предметов быта. Бесконечные очереди в магазинах, талоны, кооперативные магазины, толкучки и так далее. Даже если у людей были деньги, они не могли свободно купить самые обычные и необходимые вещи: носки, туалетная бумага или зубная паста. И если товар, наконец, по-

являлся, то нужно было стоять в огромной очереди, иногда даже по ночам, записывая на ладонях номер в очереди или получая специальные талончики. А некоторые продукты вообще нельзя было найти в магазинах, полки которых были заметно пусты.

Товарный дефицит в СССР был явлением, присущим советской плановой экономике. Имел место постоянный недостаток определенных товаров и услуг. Покупатели не могли приобрести очень многое, даже несмотря на наличие денег.

В разных масштабах и в разных сферах жизни товарный дефицит был характерен для всей истории СССР и сформировал «экономику продавца». Сам принцип торговли и обслуживания был поставлен с ног на голову, где центром и главным субъектом становился не покупатель или клиент, а продавец или, к примеру, официант, администратор или служащий гостиницы, вахтеры и технички. Продавец был царь и бог этой извращенной вселенной, а покупатель, потребитель – раболепный униженный проситель. Отсутствие конкуренции, фиксированные государственные розничные цены, недостаток мотивации к качественному обслуживанию покупателя — результаты плановой экономики.

Друзья, родственники и знакомые разделялись на разные очереди, пытаясь купить как можно больше для дальнейшей перепродажи другим по двойной цене. И если вы купили то, что вам не нужно, а ваш друг купил то, что вам нужно, вы можете это продать или обменять. Жизнь тогда была как Чер-

ная пятница в наши дни, но каждый день. Общество существовало в режиме выживания. Дружеские отношения и хорошее настроение измерялись количеством добытых товаров. Это был апогей советской спекуляции, она плотно вошла в обыденную жизнь, разделив общество на слои – у кого это есть и у кого этого нет.

Лиза, как и другие простые советские дети, могла поесть редких фруктов только в Новый Год. У нее, как и у прочих, запах цитрусовых ассоциировался исключительно с зимним праздником. Запах хвои и мандаринов. Эти фрукты «выбрасывали» в магазины перед новым годом и люди – в давках и очередях – могли купить пару килограммов, чтобы выдавать их своим детям тоже почти по талонам — как награду или лакомство.

Однажды Лизин отец прислал им ящик мандаринов. Мама хранила его на балконе. Лиза знала, что в тот день мать после работы поедет к кому-то в гости. Была пятница. Она так и сказала:

– Смотри за хозяйством, сделай уроки, чтобы не оставяла на последний момент воскресенья!

Как мать учила: «Сделал дело — гуляй смело!» — перечить ей Лиза не смела.

– Я буду поздно, чтобы была чистота!

– А можно мне мандаринку съесть? — спросила девочка.

– Можно, — ответила мать, подкрашивая губы.

– Точно можно? — переспросила Лиза. Однажды она уже как-то получила от мамы за конфеты.

– Да, да. Только после того, как сделаешь уроки и наведешь порядок, — мать начала терять терпение. Что за несносный ребенок!

Через два часа Лиза и Вета уселись на мамином диване.

– Где же эти туфли? — спросила звонким голосом Вета, роясь в шкафу. — Надевай их, тебе очень идет. У тебя ноги такие длинные, — она достала из встроенного шкафа коробку, в которой, как все знали, были спрятаны ЭТИ шелковые туфли!

Лиза аккуратно надела туфли. Это был предел ее мечтаний.

– Ой как красиво! — воскликнула Вета, — давай еще пеньюар наденем, снимай свое трико, оно с туфлями не очень смотрится.

Лиза сняла штаны и майку, оставшись голой, надела мамин красивый шелковый халат, который та снимала с вешалки очень редко, берегла для особых случаев. Родители привезли его из Индии, в подарок. Шикарный подарок по тем временам.

– Вот тебе подушка, давай, приляг, а я будто фотограф, буду тебя щелкать, — предложила Вета. — Улыбайся, — она поднесла ладони к глазам, глядя в расставленные пальцы как в фотокамеру.

Лиза откинулась локтем на подушку, подражая маме, закинула ногу на ногу и начала работать перед камерой. Ей это очень хорошо удавалось, потому что она часто наблюдала за мамой в Доме Моделей. Небрежно, как мама, откинула рукой свои длинные шелковистые волосы, подняла подбородок и томными глазами уставилась в стену.

– Ой, а давай губы помадой намажем?

– Давай! — Лиза взяла мамину красную помаду и наощупь намазала губы.

– Ты звезда! — сказала Вета.

Лиза была на седьмом небе. Мамины туфли, на пять размеров больше, скользили.

– А теперь давай телевизор смотреть! — Вета включила телевизор. Там показывали советский фильм «Д'Артаньян и три мушкетера». Красивая гордая Миледи в шикарном платье, такая роскошная, надменная, недоступная... И прелестная нежная красавица Констанция. Девочки начали смотреть с упоением.

– Вот как надо! — сказала Вета.

– Да... — протянула Лиза. — Она такая красивая! Хочешь мандаринку?

– Конечно.

Лизе пришлось скинуть туфли, чтобы притащить коробку с балкона.

– На, только одну.

Первый мандарин сладким сочным взрывом исчез в дет-

ском голодном рту за долю секунды.

– Нет, ешь медленнее. Ты думаешь, Миледи мандарины так лопают?

Десятилетние девочки вместе сидели на диване и под кино наслаждались сочными южными мандаринами...

– Тебе кто больше нравится? Ты кем хочешь быть? — спросила подружку Лиза.

– Конечно, Миледи. Кем же еще? Смотри, какая эта Миледи! Она классная. Я тоже такой буду.

– Нет, я Констанция — сказала Лиза. — Она такая красивая... — девочка не могла оторвать восхищенных глаз от экрана телевизора.

– У этой Миледи такая красота, от нее все мужчины балдеют, наверное, — заявила Вета с показной уверенностью взрослого. — А Констанция страдалица, очень красивая, но страдалица, видно же. Дурочка она, эта Констанция.

– У нее просто глаза добрые, и она же играет, у нее роль такая.

– Да, но ее-то взяли на эту роль, а не на роль Миледи. Смотри, какое у нее доброе лицо.

– Да, они явно в общаге не живут, они в Москве, разъезжают там на «Волгах», — продолжая рассуждать, Вета и Лиза жевали мандарины уже без жеманства взрослых леди.

К моменту, когда Констанция в белоснежной накидке открывала душу коварной Миледи, Лиза уснула.

— Как ты смеешь брать мои вещи, ты, маленькая паскуда?

— мать наотмашь ударила спящую на диване девочку.

Холодный пот ужаса обжег Лизу сильнее, чем пощечина. «Как незаметно она пришла», — подумала Лиза, вскакивая. Боже, туфли еще здесь... Ей почти стало плохо.

— Мамочка, я просто... кино смотрела, про Констанцию... туфли... как ты... мне хотелось... Ты такая красивая, — лепетала девочка. — Я сейчас все уберу...

Мать, услышав комплимент, растаяла.

— Все мандарины слопала?! Смотри, обосрешься, — только и сказала она. — Ладно, — смилостивившись, неожиданно продолжила мать, — Я, может, как-нибудь научу тебя ходить на каблуках, как я, только не в этих туфлях! Иди на свое место. Спокойной ночи, — мама поцеловала Лизу в лоб.

«Пронесло в этот раз. Ничего себе!» — подумала Лиза. Она заметила, что похвала и комплимент резко изменили настроение мамы.

Впоследствии она сделала выводы и постепенно научилась говорить маме приятные вещи, спрашивать совета, слушать, внимательно глядя в глаза и со всем соглашаться. А это мама очень и очень любила.

Их жизнь немного изменилась после этого. Лиза начала получать мелкие похвалы, редкие объятия, и иногда мама разрешала ей полежать с ней на диване и посмотреть кино.

К двенадцати годам Лиза с мамой наконец-то перееха-

ли в двухкомнатную квартиру на пять остановок дальше от школы. Тетя Лена с дочками тоже к тому времени получила жилье в хрущевке.

В новой квартире они обе стали намного счастливее. Вместе делали ремонт, клеили обои и красили пол и окна. Маме после общаги, конечно же, хотелось уюта. К тому времени уже многое можно было привезти из Польши или купить на рынке. Лиза искренне восхищалась мамой и наслаждалась этим относительным спокойствием их нового бытия.

Единственное, что ей было неприятно – это замок на двери в зал, который служил маме и спальней. Каждое утро, уходя на работу или еще куда-нибудь, она запирала свою комнату. Лиза только еще один раз в жизни видела *те* туфли.

Оглядываясь назад и наблюдая за матерью Лизы, красивой, умной молодой женщиной, пережившей так много борьбы, я понимаю, почему она была так зла. Как и у многих, у нее никогда не было хорошей жизни. Она, вероятно, даже не знала, что такое счастье. Она, как и многие в те времена, не чувствовала большой любви ни от своих родителей, ни от Родины.

Когда ей самой было лет десять, родители сбросили ее на бабушку, в то время как сами по несколько лет жили за границей, в дипломатических представительствах. В пятнадцать лет она стала нянькой для своего новорожденного

братика. Хотя она его и обожала, ей хотелось сбежать, поэтому она быстренько выскочила замуж. Кажется, она очень любила своего первого мужа, но это была тайна, покрытая мраком. Лиза об этом факте никогда не узнала. Отец Лизы был маминым вторым мужем.

Я не виню ее за то, что она не стала идеальной матерью. Что вообще значит идеальная мать или жена? Я не сержусь. Она не мягкая, хотя, конечно, в глубине души она добрый человек. Советская жизнь могла сломать, исковеркать любого, даже очень сильного. По крайней мере, она пыталась обеспечить Лизе мало-мальски сытую, нормальную жизнь. После долгого и тяжелого рабочего дня ей приходилось вязать и шить вещи на продажу, и хотя это и было ее любимым занятием, со временем оно превратилось в обязательное бремя, тяготившее ее долгими бессонными ночами. Всех ли так любили родители?

*

Лиза еле тащила ноги домой из школы, когда на город опускались сумерки, освещенные теплым светом окон. Она знала, что происходит за этими занавесками. Люди ужинали и разговаривали о своих делах. Объединенные нищетой, но некоторым из них все же удавалось радоваться. В ее окне было темно. Где мама? Вероятно, все еще работает.

Лиза старалась не замечать сочувствующие взгляды людей в автобусе. Что-то в их глазах вызывало в ней чувство тревоги. Эти взгляды были не то сочувствующими, не то... Непонятные и очень неприятные. Эти жалеющие взгляды были унижительны.

Я потрясена тем, насколько серой была жизнь. Серые взгляды, серые глаза, серое небо, серый город, серые люди. Депрессия была дымкой, которая окутывала, пронизывала ту жизнь везде и во всем. Сейчас я понимаю этих людей, я понимаю маму и ее настроения. Общество было изувечено. Счастье не было счастливым, счастьем было иметь то, чего не было у других.

Как-то Лиза со своей новой подругой из подъезда, Машей, ходили вместе в магазин за хлебом. Перед тем, как их отправили в булочную, они несколько часов гуляли на улице и порядком проголодались. На обратном пути девочки беззаботно болтали, смеялись и Маша, проковыряв дырочку в своей буханке, начала есть хлебный мякиш, набивая полный рот и продолжая весело болтать. Лизе тоже хотелось свежего хлеба, но она не решалась отломать ни кусочка.

– А мама тебя не заругает? – спросила она у Маши.

– За что? – искренне удивилась та.

– Вот за это, – Лиза кивнула головой на булку, – за то, что ты хлеб испортила.

– Да ну! Чего такого? – беспечно пожала плечами девочка, выковыривая очередную порцию ароматного свежего мякиша.

Лиза смотрела на свою буханку, на Машу, думала о том, что скажет мама. Но та была так беззаботна, и Лизе начало казаться, что ничего такого страшного здесь нет. И она отломала кусочек хрустящей, такой ароматной корочки. Хлеб и правда был очень вкусным – совсем свежим, еще немного теплым. А есть на улице всегда так вкусно! Она отломала еще кусочек и наконец добралась до мякиша. Вкуснотища! Две веселые юные девушки шли по улице солнечным летним днем, под ногами стелился тополиный пух, липкий запах тополиных почек смешивался с ароматом свежего хлеба. Они смеялись и радовались солнцу, лету и зеленой листве деревьев.

Наконец они пришли. Напоенный теплом и свежестью воздух летней улицы сменился сырой затхлостью подъезда. Дошли до Машиной двери, она постучала. Дверь открыла, улыбаясь, ее мама.

«Ну что, сходили? Умнички, – она взяла буханку из рук дочери. – Ой, а что это у нас тут такое? – с ласковым удивлением указала она расковырянный тоннель в хлебном мякише. – Это что у нас, маленькая мышка завелась?»

«Мышка, мышка!» – засмеялась Маша, заходя домой. Светлана Николаевна тоже рассмеялась, приобняв дочь. Дверь закрылась. Лиза пошла дальше к своему подъезду.

Со слегка замирающим сердцем она тихонько постучала.

Мать, занятая своими мыслями, открыла дверь и взяла буханку, не глядя на Лизу. Тут ее взгляд упал на выковоренную дочерью дырку в хлебе. Она моментально изменилась в лице.

«Это еще что такое?» Сердце Лизы оборвалось.

«Это... это мышка...» – пролепетала она, запинаясь и пытаясь выдавить из себя робкую улыбку. Глаза матери наполнились злобой.

Лиза опустила голову и переступила порог тяжелой походкой идущего на казнь.

Темная Радуга

Просыпаясь рано этим утром, я чувствую его сильное крепкое тело рядом с собой, его близость — она электризует меня. Он мягкий и прохладный. Но в то же время горячий. От прикосновения его рук у меня перехватывает дыхание. Мы словно вместе лежим где-то высоко в облаках. Его тело такое теплое. Его рука лежит на моем плече, а губы касаются моей шеи.

Я чувствую любовь. Я чувствую его наслаждение мной. Мне это приятно. Мне это нравится. Он спит, все время крепко держа меня в объятьях, как будто боится потерять меня, пока спит. Как будто пытается забыть о своих проблемах, прячась от неприятностей мира в этой маленькой впадинке на моем затылке, вдыхает запах моих волос. Мне щекотно.

Моего ангела зовут Paul. Мне абсолютно не важно, что он старше меня на 17 лет. Он красивый, сильный, мужественный. Для меня он молодой, его тело подтянуто, он прекрасно за собой следит, всегда загоревший и очень вкусно пахнет.

Мы не обычная пара, конечно же нет, мы не такие как все. Хотя, как и у всех людей, у нас иногда тоже бывают разногласия. Очень редкие и совсем незначительные. Мы никогда не ругаемся. Иногда мы спорим, можно сказать, дискутируем-

ем.

Порой он просто слушает мой лепет: про мои планы, новую профессию, семью и первую любовь. Он любит мои истории, слушает очень внимательно, не отрывая от меня восхищенного обожающего взгляда. Но чаще всего мы просто болтаем о том о сем, как день прошел, как дела на работе – или начальник мой что-то такое сделал, или его партнер по бизнесу что-то опять напортачил, или новые козни его бывшей жены...

Сейчас это не имеет никакого значения. Ничто в этом мире не имеет значения, когда я растворяюсь в мягкости и опьяняющей нежности его объятий. Хотя иногда, где-то глубоко внутри, у меня появляется какое-то неприятное колкое чувство, которое я не понимаю. Меня сбивает с толку тепло его тела. Важнее этого не существует ничего. В эти утренние моменты он мой Бог, с ним я стала уверенной в себе, мне хочется жить, летать, у меня на все есть силы и я ликую от того, что он мой! Только мой!

Он шепчет: «Доброе утро, детка», – очевидно, он не спит. Он дышит глубоко, но я чувствую, что он улыбается. «Как хорошо ты пахнешь. Я люблю тебя», – говорит он. Он потягивается, сладко зевает и медленно, как ленивый тигр, начинает исследовать мое тело, начиная легкое движение пальцами вниз по моей спине. Я улыбаюсь. Теперь мне щекотно где-то там, внизу.

Я медленно поворачиваюсь к нему лицом. Я тоже позволяю большому зеву овладеть мной на мгновение. Потягиваюсь, одновременно улыбаясь. Я хвастаюсь своим телом, показывая и выгибая спину, предлагаю ему себя. Я ничего не могу с этим поделать. Мне нравится дразнить его. Я люблю этого мужчину. Он мой. Только мой. В такие моменты я чувствую себя богиней, наполненной, влюбленной и любимой. Я чувствую теплую волну счастья. Я благодарна.

«Я тоже тебя люблю, дорогой», – говорю я ему, мягко касаясь его груди. Такой мужской, такой мускулистой и волосатой. Покалывание в моем теле становится все сильнее и горячее. Я чувствую, как поднимается горячая волна откуда-то снизу, проходя через мое тонкое тело, как будто стая бабочек принесла новую энергию на своих трепещущих крылышках. Я провожу рукой по его груди ниже, еще ниже, к животу, пока она не натывается на самую горячую часть его тела. Мои тонкие пальцы обвивают его по всей длине, наслаждаясь пульсацией его животного желания. Его глаза темнеют. Он начинает тяжело дышать. Я смотрю в них с легкой улыбкой. Я люблю свою власть над этим мужчиной. Он мой. И я его богиня. Становится слишком жарко.

Как только мы начали тесно и часто общаться, между нами возникла всеобъемлющая физическая тяга друг к другу. Это дикое животное чувство, что-то в воздухе, запах, элек-

тричество. Какая-то химия. Какая-то реакция в наших телах, которая сковала наши объятия. Такие сладкие нежные объятия, которые мы не можем разомкнуть уже несколько месяцев. Эти утренние моменты могут длиться часами.

Иногда я даже опаздываю на работу. Но почему-то сейчас, когда я с ним, опаздывать на работу мне кажется нормальным. Потягиваясь, Пол говорит: «Я догадываюсь, кто опять опоздает на работу». В его голосе наигранное удивление. Хотя для нас это правило практически каждого утра.

Мне нравится принимать душ вместе с ним. Это дает нам дополнительное время, если вы понимаете, о чем я. Меня абсолютно не беспокоит, что в последнее время я опаздываю везде и всегда. С Полом я научилась не волноваться о таких мелочах. До него у меня всегда было непреодолимое чувство ответственности, пунктуальности, желание быть правильной. А у него, впрочем, как и у многих американцев, есть как будто врожденное огромное чувство превосходства над всеми. Одним из многих примеров может быть то, что если я проснусь с головной болью, простудой или похмельем, и знаю, что должна что-то сделать или где-то быть, уложиться в срок, или что-то кому-то обещала, я встану и, несмотря на боль, буду выполнять свои обязанности. И неважно, как плохо я себя чувствую. Неважно, хочу ли я это делать. Какое-то твердое чувство долга. Сделал дело — гуляй смело! Перфекционизм.

Пол совсем другой. Не такой, как я. И мне это очень нра-

вится. Меня привлекают наши противоположности. В подобном случае он позвонит и отменит свою встречу. Если он не хочет или если ему некомфортно, он не вылезет из кровати. Он просто придумает какой-то предлог. Кажется, что он сам себя в этом убедил — потому что на улице дождь, или сегодня в Чикаго большие пробки, неважно, какой предлог. И не важно, правда это или нет. Важно то, что он «is not feeling like doing this»¹. Затем он просто перевернется на другой бок и без всяких угрызений совести проспит еще пару часов.

Сначала я была в шоке. Для меня это было дико. Как он мог отменить встречу, которая могла бы привести к какому-то действительно хорошему результату или потенциальному клиенту? Получается, он обманул, соврал клиенту. Я не понимаю. Это просто выше моего понимания. Но со временем я заметила, что никакого неудобства или чувства вины от такой лжи Пол не испытывал. Встреча была перенесена, дело было обсуждено позже или в другой день. И постепенно за последние шесть месяцев я узнала, что свой комфорт можно и нужно ценить больше, чем чувство долга. Я также научилась успокаиваться, замедлять скорость, научилась расслабляться. Это здорово.

Жизнь кажется намного спокойнее, когда я с ним. Несколько ценных уроков, которые останутся в моей жизни навсегда. С удивлением я спрашивала его: «Ты так дол-

---

¹ Мне сейчас что-то не хочется.

го ждал этого контракта, это так для тебя важно. Почему ты отменил эту встречу?» — «Не закрою сегодня, так закрою завтра, not a big deal²», — говорил он мне уверенным тоном. — «Don't worry, baby».³

«Значит, это правильно», — думаю я про себя. Хотя раньше я очень жестко относилась к этому вопросу.

За последние 6 месяцев, кажется, мы не потеряли ни грамма этого сумасшествия, неопровержимой страсти друг к другу. Мои любимые бабочки никогда не спят.

Мы тесно связаны этим электромагнетизмом. Иногда нам даже не хватает слов, чтобы рассказать, как сильно мы любим и жаждем друг друга.

Я заметила, что часто мечтаю о будущем. Какая-то картина в моей голове, яркая, счастливая, там есть и дом, и дети, и собака. Мы оба на гребне успеха, у нас все есть, все, о чем только может мечтать человек. Нас любят и уважают люди, все задуманное у нас получается легко и непринужденно. К нам стремятся. С нами хотят быть, нас везде приглашают. Мы ведем активную светскую жизнь, которой у меня раньше никогда не было. Пол — мечта любой женщины.

Я счастливая выхожу из дома. Вокруг меня все сияет. Все блестит радостью. Кажется, моя улыбка больше, чем все мое

---

² Не велика важность.

³ Не парься, детка.

лицо. Люди оборачиваются на меня. Я точно знаю, что они знают, почему я такая счастливая. И мне не стыдно. Я рада. Завидуйте мне. Я счастлива.

Иногда мы выходим из дома вместе. Когда мы выезжаем на шоссе друг за другом, набирая скорость, он всегда меня обгоняет. Проносится мимо в своей огромной черной машине, небрежно махнув мне рукой. Sexy!⁴ Я знаю, что Пол будет мне звонить и писать весь день. Этот сильный большой мужчина, только что как стрела улетевший вперед, не может насытиться мной. Это потрясающе.

Хотя сама я иногда не могу дозвониться до него часами. Но, конечно, я понимаю, что он очень занятой человек, после множества неудач и предательства Пол только начинает заново, с нуля развивать свой новый бизнес. И я тоже не хочу выглядеть недоверчивой прилипалой. Я стараюсь не звонить и не писать ему слишком часто.

Обычно я жду, пока он свяжется со мной первым. Я боюсь отпугнуть его, начав отношения с назойливости, как было у меня с моими бывшими, ужасные отношения без доверия. Поэтому порой мне грустно, кажется, что он игнорирует меня. Но когда он перезванивает, случается через несколько часов, все становится на свои места. Он меня любит! Он просто был занят. Но все же, Пол, похоже, не проявляет ко мне той же вежливости, которую я отчаянно пытаюсь показать ему. Это меня настораживает.

---

⁴ Сексуально!

А может, так и надо? Он, как бы и не требуя, дает мне понять, что даже если я нахожусь на встрече с клиентом или занята, то все равно должна ответить на его звонок или сообщение. «Так должна делать любая нормальная женщина!» — часто говорит он мне. Я стараюсь быть нормальной женщиной. Он всячески дает мне понять, что такой мужчина, как он, должен быть приоритетом номер один. И ни один клиент, начальник или даже мой ребенок не может быть важнее него. Это какое-то бесстыдное превосходство, которое я заметила еще в начале наших отношений. Порой кажется, что не отвечая на мои звонки или сообщения часами, а иногда и до следующего утра, он пытается меня наказать за то, что я не ответила на его звонок или вовремя не перезвонила.

Но все же, как здравомыслящий человек, я понимаю, что, скорее всего, он действительно был просто занят. Причем обычно он объясняет это именно так. И почему-то всегда его объяснение, его история звучит очень захватывающе и все ставит на свои места.

Но когда он сам назойливо звонит и требует внимания, он объясняет это тем, что «Чикаго — опасное место для жизни и работы, baby. Я очень переживаю за тебя, когда ты едешь к клиентам по всему городу. Я с ума схожу от беспокойства. Поэтому дай знать хоть одним словом, что с тобой все в порядке», — обычно говорит он со страстью по-настоящему обеспокоенного мужа. Я чувствую заботу — он волнуется за меня. Это новое для меня чувство. Хотя иногда это выгля-

дит как контроль, я часто напоминаю себе, что ему, значит, не все равно. Я просто не привыкла к этому. Теперь я понимаю, что это и есть забота. Настоящая забота! Это так мило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.